

Владимир Муляров

**СТИХИ.
МИНИАТЮРЫ.
СКАЗКИ**

Владимир Муляров

Стихи. Миниатюры. Сказки

«Издательские решения»

Муляров В.

Стихи. Миниатюры. Сказки / В. Муляров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960825-3

Мы все по большому счету дети. Мы остаемся в детстве навсегда. Просто за завесой быта и суеты этого порою не видно! Эта книга о том, как можно оставаться ребенком в душе в то время, когда твои годы тебя пытаются уверить в обратном.

ISBN 978-5-44-960825-3

© Муляров В.
© Издательские решения

Содержание

Стихи	6
Этюд	6
Деревня	7
Как тихо, тихо...	8
Миниатюры	9
Еще раз про Любовь...	9
Ираида Васильевна Самсонова	10
Слова	11
Одинокий Художник	12
Осень	13
Гроза и все, все, все!	14
Снежинки	15
Романс	16
Элегия	17
168 слов о счастье	18
Заметки байкера	19
Сказки Веселого Белки	20
Предисловие	20
Часть 1. Эскалатор	21
Часть 2. What is love?	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Стихи. Миниатюры. Сказки

Владимир Муляров

© Владимир Муляров, 2019

ISBN 978-5-4496-0825-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стихи

Этюд

Возьми меня за руку, ну-же!
И перейдем с тобой эту улицу,
и будем смотреть, как целуются
облаков отражения в лужах,
и на деревья в снежной проседи,
и как ветер листву закружит
во вздохах усталой осени.
А из души что-то рвется наружу!

Деревня

Я уеду среди ноября,
на дорогу присяду.
И поглажу кота,
и промолвлю слова,
как святую присягу.
Как жилось нам с трудом,
о тепле и о том,
что мы оба с тобою из стали.
До свиданья, мой кот,
до свиданья, мой дом,
мой любимый, мой старый...

Как тихо, тихо...

Как тихо, тихо падал снег
на крыши, на машины,
И времена свой бурный бег
как будто завершили.

Как будто было так всегда —
бело и снега много!
Как будто в мире никогда
и не было иного...

Любовь прекрасна и чиста,
и чувства в нас проснулись
тогда, когда твои уста
моих устен коснулись.

Я помню это с давних лет —
сугробы и заносы,
и на щеке слезинки след,
и в сердце след занозы...

Как тихо, тихо валит снег
на сосны и на ели...
Сковали льдами русла рек
январские метели.

Ты пред собой открыла дверь,
ступая в зимний вечер.
И лишь шепнула мне – Поверь!
И следом – Время лечит!

Миниатюры

Еще раз про Любовь...

Творчество – это способ излить из себя вовне ту любовь, что живет в тебе! Когда она переполняет тебя настолько, что уже не в меру, неумогу, тогда это сверхдавление и выпрессовывается в то, что ты потом щедро отдаешь людям. Тот, кто не любит, творить неспособен! Любовь самодостаточна. И в силу этого может жить в тебе абсолютно самостоятельно, коли ты ей приглянулся. Двигать своею рукой по холсту, слагать слова в твоём сердце в поэзию, или даже просто ходить изо дня в день по городу и всем встречным желать здоровья и счастья. Как это делает в нашем районе одна старушка. Это тоже любовь. Потому что от сердца! Любовь тобою движет в каждом твоём движении и вздохе. Это то, что есть в каждом человеке. Любить всех и каждого – просто. Если ты видишь в человеке не внешнее, а внутреннюю его суть – любовь, что живет в каждом и делает каждого живым.

Ираида Васильевна Самсонова

Когда мои дети были маленькими, а их прабабушка Ираида Васильевна еще могла с ними посидеть, отпуская нас с женой, молодых и веселых, на пирушки к нашим друзьям, она, бабуля Ираида, очень часто напевала детям страшным, низким и скрипучим голосом. Я эту песенку ее запомнил очень хорошо. Вот эта песенка!

*Ночь была. Сияли звезды.
На дворе крепчал мороз.
Шел по улице сиротка.
Он дрожал и весь промерз.*

*«Боже!» – Говорит сиротка,
– Я промерз и есть хочу!
Кто согреет-обогреет,
Боже, бедну сироту?»*

*Той дорогой шла старушка
Услыхала сироту.
Приютила, обогрела
И поесть дала ему!*

*Спать в кроватку положила.
«Как тепло!» – Промолвил он.
Закрыв глазки, улыбнулся
И заснул спокойным сном!*

Такая вот чудесная народная песенка, на которой с разницей в восемь лет росли мои сын и дочка.

Ираиды Васильевны уже очень давно нет, но ее доброта, так резко контрастировавшая с внешностью настоящей Бабы Яги, с ее одиноко торчавшим зубом и громким, скрипучим голосом, она, эта доброта, снабдила моих чад на долгие годы таким огромным количеством внутреннего, душевного тепла, что позволило им самим стать любящими родителями.

Бабушки должны внучатам петь добрые, веселые песенки! Тогда у людей будет шанс стать людьми!

Слова

Лежу и выуживаю из души своей слова. Они приплывают к тебе сами. Как косяки рыб. И жадно глотают воздух в проруби твоего сердца. И ты чувствуешь их приход где-то у основания шеи. Рядом с аортой.

Я – типичный рыбак. Не охотник, нет. Я люблю сидеть на берегу и ничего не делать. Просто ждать свою добычу, которая тебе положена в меру твоих талантов. И она сама к тебе приплывает. Большая и жирная. Или маленькая и проворная. И те и другие слова я люблю одинаково сильно. Большие и жирные, маленькие и проворные. Разные. Что приплыло сегодня – такой и улов. И сам я не полезу никогда с сетками и снастями в этот бушующий океан грамматик и стилистик с их тезаурусами и лексиконами! Я свое место знаю. Оно на берегу. Стульчик и удочка об одном крючке – вот мое место. И на обманку не ловлю никогда! Нехорошо это, обманывать того, кого планируешь подрядить на работу. Не по-людски как-то! Бог – Слово дал рыбакам сто пятьдесят три большие рыбы. Как средство от голода! А мой улов сегодня – всего-то пара абзацев: маленький и побольше! Сравним улов мой с парочкой окушков на полкило весом по совокупности. Слава Богу за все!

Одинокий Художник

Муть в банке нужно наводить только при свете дня! Никогда при теплом, вечернем освещении не подберешь ни нужный тон, ни нужный цвет! ... Давно один из моих многочисленных учителей, учивших меня в разные времена разным ремеслам, сказал, что стекло – это муть, увенчанная бликом! Это все, что нужно, для успешного изображения стеклянной банки, в которую будет аккуратно усажен букет поздних, темно-бордовых октябрьских роз! ... Не помню имени того моего педагога. Не помню даже столетия, когда все это происходило. Но помню урок! Вот уже и рассвет! Сейчас я задую лучину и пересяду за рабочий стол, поближе к окошку, ибо зимний свет насколько недолог, настолько и неярк! Холст давно уже заждался новой работы. Последние мои запасы! Через узоры на морозном стекле льющийся в комнату свет становится настолько рассеянным, что даже не дает тени! Мне вот это как раз и нужно. Идеальное освещение для тоскующих красок! Здесь, на чистоте белого холста будет написан сюжет в стиле старинных голландцев, никакого импрессионизма! Только темный фон, из которого будет выниматься на свет Божий кувшин и букет, стоящие на деревянном столике, накрытом скатертью. Освещение рембрандтовское, в лучших традициях темного заднего плана! И обязательно одна роза чисто белого цвета будет лежать на скатерти, рядом со стеклянным кувшином. Одна, в глубокой тени букета! Чтобы ее белизна очень сильно прозвучала в диссонанс спокойствию всей композиции. Эта белая роза будет держать всю картину! Шестьдесят на восемьдесят в чистоте по подрамнику. ... Всё. Иду работать. Несколько столетий непрерывной, безжизненной, никогда не прекращающейся зимы, уже почти лишили меня всяческих воспоминаний о цветах, тепле, речке, лесе, ягодах и лете. Поэтому я пишу только цветы. Всегда. Просто, чтобы стало теплее Одинокому Художнику в доме, затерявшемся среди бесконечной, безжизненной ледяной пустыни. Во все мои последующие бесконечные века!...

«... Это лейтенант Риппли. Последняя выжившая с „Ностромо“. Конец передачи!»

Осень

...Больше всего я люблю то время, когда только-только на деревьях начинает желтеть листва. Когда еще тепло, и отголоски только что закончившегося лета сильны в той мере, чтобы быть достойным его продолжением. Когда ЕЕ Величество Осень лишь слегка прикасается своими холодными, влажными ладонями к самым верхушкам берез и кленов, и они слегка меняют свою окраску под воздействием ее пронизывающей мощи.

Осень. ... О! Это, конечно, первый курс. Картошка. Портвейн. Любовь. Речка Протва. Речка Теза. Между ними полторы тысячи километров и тридцать лет во времени. И, представьте себе, никакой разницы! Такие же студиозусы, как и ты когда-то, так же лупят портвейн, сидят на подоконниках своих общаг и... вот именно! Влюбляются.

Осень. ... Она делает все вокруг другим. В середине сентября девяносто шестого я с нашим Главным Инженером, Иваном Николаевичем Терещенко последний раз опускался в шахту, на родной горизонт 1050 метров. У Главного была запланированная инспекция, и меня, тогда уже серьезно больного, дали ему в помощь. Мало ли что! Мы очень долго и так же безрезультатно искали участок, на котором я до этого проработал 7 лет, не нашли ни участка, ни людей, плюнули на это дело слюной и с чистой совестью выехали «на гору». Тогда я был в шахте последний раз в жизни. И жалею до сих пор, что уже не могу опускаться на такую глубину.

Осень. ... Да мало ли что еще по осени происходит с климатом, людьми и природой!? И ЭТО – хорошо! Осень, как ни что иное, имеет свойство все вокруг менять, и именно это дает тебе шанс на очередной жизненный взлет! ... Даже если ты понимаешь, что этот твой взлет имеет маркировку «земля – воздух»!

Гроза и все, все, все!

Где-то вдалеке ворчит Гроза. Как вечно всем недовольная теща!

Я сижу на лавке возле самых дверей дома. Здесь солнечно и тихо, и это создает чувство необычайного покоя. Близость открытой двери, ведущей в дом. ... Твой дом. Потому что здесь ты защищен. Здесь никакая гроза тебя не достанет. Здесь можно абсолютно спокойно сидеть и ждать, пока Ворчливая Туча, изрыгающая из своей глотки ругательства и огонь, не накроет -таки деревню. И тогда ты не спеша встанешь с лавочки и не спеша пересечешь порог своего дома и так же не спеша сядешь на ступеньку тамбура, и отсюда будешь смотреть в проем открытых настежь дверей, как крупные капли начинающегося ливня падают на лавочку, на которой ты только что сидел, на порожек твоего крыльца и вообще на все вне твоего дома, заливая весь мир вокруг теплым июльским ливнем по наущению Ворчливой Грозы. Но, это там, в метре от тебя. А здесь, прямо за порогом дома пролегает та самая граница, которую никакая Гроза не в силах перешагнуть. И ты чувствуешь это и тебе хорошо!

Но все это будет еще не скоро. Потому что Ворчливая Туча еще далеко отсюда, и поэтому котята вместе с кошкой все еще весело играют у твоих ног, а Бабака виляет хвостом и ревнует тебя к ним, потому что Бабака привязан к своей будке, сделанной из старинного сундука, потому что он – Бабака, а не какой-нибудь вам котенок. Бабака – защитник того, что защищает нас от Грозы, – нашего дома. И он это прекрасно понимает и имеет поэтому очень гордое выражение лица!...

Ну вот! Дождались! Первые крупные капли начинают хаотично, с шумом падать вокруг, и это означает, что наконец-то настал тот самый долгожданный момент, когда ты получаешь возможность продемонстрировать Ворчливой Туче всю ее несостоятельность в плане того, как бы тебя прищучить. И я пересаживаюсь с лавочки на порог тамбура, под защиту крыши дома, и Гроза это, конечно же, прекрасно видит и начинает ругаться и ворчать еще больше. Я даже делаю Старой Ворчунье неприличный жест рукой. Пусть позлится! Бабака тоже делает Грозе неприличный жест рукой и скрывается в глубинных недрах своей будки. И ему тоже наплевать на любую Грозу! И даже котята с Кошкой, поочередно пересекая спасительный порог дома, показывают Грозе неприличные жесты. ... Даже такие, каким я их не учил. ... О-да! И нам всем очень хорошо!

Снежинки

Снежинки живут ради одного-единственного поцелуя. Они летят неспешно и, прикасаясь к тебе своими мокрыми, холодными губами, тут же исчезают и переходят в небытие, едва успев появиться на свет...

Романс

*Старая избушка.
На крылечке кот,
прижимая ушки,
лапкой морду трет!*

Ночь... И где-то далеко от меня спит, свернувшись калачиком в своей кровати, маленькая женщина. Я в валенках на босу ногу вместе с одним очень умным котом стою у забора, на самом краю яркой полосы света, льющегося из дверного проема. Среди чистейших русских снегов. Кот, конечно, у меня на плече. Ведь он же очень умный кот! ... И восемьдесят три километра морозного воздуха между нами, сквозь ватную тишину и непроглядную темень ночи.

Спи, любимая! И пусть твой сон будет таким же тихим и глубоким, как эта ночь. А утром я дела свои сделаю, оставлю коту еды на пару дней и помчусь к тебе, чтобы было кому тебя на ночь в лоб поцеловать!...

«Вы мне сейчас – самый близкий, вы просто у меня больнее всего болят.» (М. Цв.)

И потом, находясь уже рядом с тобой, буду вставать среди ночи и смотреть, смотреть в окно. Потому что далеко – далеко один очень умный кот будет грустить и ждать меня, сидя на заснеженном пороге нашего с ним дома...

Элегия

И снег был теплым, и зимние дни солнечными, и от ветров мы не простужались! Мы были молодыми, здоровыми и очень счастливыми! Спали мало, зато пили много, и ничто нас не ломало, ни неудачи, ни предательства! ... Это все ушло. Вместе с большей частью здоровья и розовых иллюзий. Но зато вместо всех этих счастливых вещей молодости, у меня есть ты, сидящая на соседней кровати. Тихая и теплая, очень уютная женщина, за кого я легко отдам все радости мира! Ничто не достойно тебя!

168 слов о счастье

Спи, любимая! И не тревожься ни о чем! Ведь у нас впереди еще целая старость! Время, когда некуда спешить и незачем суетиться!

Время старости – это время мудрого спокойствия, когда все цели достигнуты и все вопросы уже решены. А то, чего не удалось достичь, оставлено в прошлом как ненужное. Это время, когда никто никого уже не предаст, не бросит ради другой или другого, не обманет и не устроит истерики из-за пустяка, потому что все пустяки остались в прошлом. И не затаит обиды, ибо с высоты лет все поводы для обид кажутся ничтожными!

Время старости это самое благородное время, ибо только дожив до старости ты можешь дать любимому то, чего никогда не дашь в молодые годы. Чистую, бережную и трепетную любовь, лишенную адреналина и прочей химии, подчиняющей нашу душу нашему телу...

Спи, любимая. А я, твой бессменный полуночный страж, опять встану, чтобы приоткрыть окно и впустить в комнату струю свежего, морозного воздуха, который ты так любишь. И пусть сон твой будет тихим и счастливым, как и все наши оставшиеся дни!...

Заметки байкера

Наблюдая в зеркало заднего вида бегущих за мной барабак, я понимаю: жизнь движется в Перед!

Сказки Веселого Белки

Предисловие

Как – то очень давно, в незапамятные времена, в тридевятиом царстве, которого больше нет, ближайший друг мой и одноклассник, будучи тогда еще студентом матмеха ЛГУ, записал следующее интересное свое наблюдение...

«Эскалатор».

*Навстречу лица, лица, лица,
как многоточия в тетради...*

*И невозможно исцелиться
от двухминутной благодати...*

*Навстречу пасмурные лица.
В метро стремящиеся люди
никак не могут отрешиться
от суеты нелепых будней.*

*Навстречу лица, лица, лица...
Густы, как спущенные шторы.
Скрывают многие страницы
из ненаписанных историй.*

*Но в ежедневном ритуале
такой антракт недолго длится.
Вновь возвращаясь к тротуарам...
Навстречу лица, лица, лица...
(М. Л. М. 1978г.)*

*Я вас люблю!.. Чего же боле?
Готов я вечно проходить
Свой лабиринт в кругах Любви
Лишь для того, чтоб вас любить!»
(некто Белка, много веков спустя).*

Часть 1. Эскалатор

Как писал один великий скульптор – Микеланджело Буонаротти
(в переводе Андрея Вознесенского): «Теперь опишу свою внешность с натуры.

Ужасен мой лик – бороденка, как щетка. Зубарики пляшут, как клавиатура...» Ну, и так далее.

Подхожу к зеркалу. Смотрю... Круги под глазами. Одутловатая физиономия, от сна опухшего лентяя. Взъерошенная шевелюра с кисточками на ушах. Вечно мокрый нос и нечто сзади, выщипанное и вылезшее, полинялое, неопределенного уже цвета. Лысеющий, должно быть, мой хвостик... О! Великий гений, как же вы не одиноки во своей оценке!

«Улыбнись!» – Говорю я себе. – «От улыбки твоей убегут все печали. И к несчастью, не только они...» Первый сверху слева, пятый, третий снизу слева и второй снизу справа. Вот и все, что в памяти осталось от зубов... Страшно и глупо. Ибо что может быть страшнее и глупее беззубой белки? С облезлым хвостиком и кругами под глазами?.. А хочешь, я тебе спою? Слушай же!

«Фа-фа-фа. Ши-ши-ши.

Нифигашешки не шлышно

от Бежжубой белочки, в тиши

распевафшей пешни...»

Эскалатор... Куда он нас ведет? И что тебя ожидает наверху? Где те,

которые поднялись впредь тебя? Важно то что однажды, ступив на движущуюся эту ленту, назад дорогу не найдешь. И здесь уместно вспомнить, как некто Гераклит из глубины веков нам проорал «Нельзя войти дважды на одну и ту же ленту эскалатора!» И вообще, скажи спасибо за то, что твоя лента едет вверх! Посмотри на лица тех, кто движется навстречу по такой же ленте вниз! Они веселы. Они полагают, что их лента движется вверх, а наша – напротив, вниз. Если бы я был с ними, что видели бы мои глаза, зная, что минуту назад, находясь на другой ленте, я видел ту же картину с точностью до наоборот?..

Эскалатор...

Спрыгиваю с исчезающих ступенек и по инерции бегу вперед. Хвостик мой элегантно перекинут через левую руку, как салфетка официанта. Впрочем, нет. Скорее я похож на пожилого данди с тростью на руке. Стою, как и все. Жду поезда. И вот если вы меня сейчас спросите о том, куда я еду, то могу поклясться, что просто пошлю вас вслед этих рельс, ведущих в темноту.

«Как нам, стоящим на платформе, познать секреты поездов?» – как когда – то заметил великий Данте...

Лица, лица, лица...

Женщина со следами помады на губах и тремя сумками продуктов «...плывет в тоске необъяснимой...», как сказал бы уже совсем иной Питерский поэт времен Великого Забвения...

Мужичек интеллигентного вида в мятном плаще, в очках с перекошенной оправой... Группа товарищей с очень солнечного юга, стоящие вокруг своих баулов... Старикан на скамейке, босой, жующий булку... Впрочем, он вряд ли едет... Пацан – вылитый Гарри Поттер, – только без метлы. Но зато с крутой мобилой, от которой проку нет в метро, да еще и с пачкой сигарет в кармане... Кого еще я пропустил? Ах, да! Себя... Ну и я тут тоже стою.

Вот и поезд. Выходят, как всегда, до ужаса медленно... Пропускаем...

Садимся... Едем... Тесно...

– Послушайте, милейший... – это ко мне обращается некая пожилая особа, – не могли бы вы свой хвостичег опустить? А то щекотит очень он мне нос!

Конечно, конечно... Разумеется... Знаю точно, что вот теперь, когда я хвостик опустил, по нему будут топтаться исключительно с целью вытереть ноги. Я что ли первый раз еду? В метро вообще с хвостиками неудобно... Вот – вот. Уже и наступили... Девочке рядом со мной очень нравятся кисточки на моих ушах. Они и вправду, хороши. Я улыбаюсь ей своей очаровательной улыбкой... Ребенок весь в слезах, зато мамаша норовит проговорить в мой адрес все обиды несчастных дней ее чреды...

Бегут платформы, исчезая... И люди на них исчезают навсегда из быстропеременной моей реальности вместе с платформами.

Проезжаем перегон от «Автозаводской» до «Коломенской». Мост и вид с него вполне отличный... Солнце, отражаясь от поверхности реки, приятно щекотит мне зрачок.

Боже мой, Боже мой... Прошли бесконечные века моих ожиданий и моих надежд, когда я вместе со многими другими, стоя на самом краю Вселенной, в преддверье Ничего, в таком же самом вагоне Московского метро, пристегнутый наручниками к верхней перекладине, мечтал лишь об одном пейзаже за окном – о том, что вижу я сейчас, и почему-то даже этому не рад?

Я бесконечное время думал о том, как исчислить бесконечное время... Чем можно его наполнить, если все конечное в нем имеет меру ноль? Ты, сущесвующий, конечный, есть. Но при этом тебя нет. В бесконечности ты даже не точка... И – совершенно уж смешно – ты даже и не ноль! Поскольку ноль – это вполне конкретная вещь, со своими свойствами и атрибутами,

которые не могут наличествовать у отсутствия чего – либо...

О, да! Я помню... Я помню все... Своё внезапное озарение, тут же переросшее в вопрос, звучащий в спину почти уже ушедшему Ребенку. Вопрос о том, что с нами будет, когда бесконечно долгое наше заключение, все же... закончится? И Его ответ. Как будто Он его ждал: «Надейтесь. Ибо Аз есмь Альфа и Омега, Первый и Последний. И Я, так же, впрочем, как и вы, невложим ни в какую бесконечность. Вы больше любой бесконечности. Надейтесь!» Вот что ответил тогда Мальчик нам, стоящим в ожиданье...

«Дай рабам Твоим терпение, да не покроет их скорбь!» (прп. Симеон Новый Богослов. Гимны. ПСС, т.1, стр. 44).

И мы ждали, ждали, ждали...

Протекали века, и геологические эпохи в каких –нибудь мирах сменяли друг друга. А наше бесконечное ожидание при этом нисколько не убавлялось. Как, скажите мне, тут не впасть в расстройство?

Мысли... Вера, Надежда и Любовь... Вы полагаете, что это имена Святых? Конечно, это имена. Но вместе с этим кое – что еще... Вера, – когда ты веришь, дает тебе Надежду. Вера, если так хотите, в

Надежду превращается, когда в Вере больше нет нужды... По Воскресение из мертвых... Мы верили в течение нашей жизни, и сейчас в нас наша Вера перешла в Надежду. (И, коль Высокое отбросить, то мы здесь надеемся неведомо на что. Поскольку наше ожиданье – бесконечно!...) Теперь, последнее. Любовь!

Она – есть завершение Надежды. Любовь есть то, что ожидает нас в Самом Конце Всего... Она растет в душе воистину вне всяческих пределов... Она – самая Младшая из мучениц-сестер. Она, Рожденная Мудростью позже всех, есть всех венец! Воистину, вот чем достойно можем мы заполнить бесконечность в ожидании прощенья! Ведь нам же сказано тогда (О, Господи, когда же это было?!), что невложим Господь ни в какую бесконечность! Но Он же есть Любовь! Поэтому Любовь – есть то, что будучи расцветшим в нас, нас делает тотчас размером – более всего! Вот чем заполнить можно ожиданье во

бесконечных временах. Достойт лишь любить...

Часть 2. What is love?

Едем. Коломенка...

Тут когда – то я сиживал в КПЗ. Нет – нет, не подумайте чего о моей незаконопослушности. КПЗ – это Коломенский пивной зал... Это из тех времен, когда из автомата за 20 копеек можно было получить поллитра отменного дерьма марки «Жигулевское»... Впрочем, нынешнее не лучше. Думаю, что пива сейчас вообще нет...

Едем. Каширка... Платформа с правой стороны. Да. Именно так, как я и помню. И голос дикторши все тот же. Значит ли это, что не один я прожил много эр и эпох? По привычке разворачиваюсь на 180 градусов и пытаюсь не мешать выходящим. Меня удивляет то, что никто кроме меня не предпринимает попыток перейти для выхода на другую сторону вагона? Подъехали. Платформа слева! Все выходят, и я, как самая настоящая глупая Белка, оказываюсь лицом к потоку, который норовит вынести меня из вагона. Слышу очень тихий мат...

Это гражданин в очках с перекошенной оправой высказывается в мой эдресс. Наверное, МИФИст... Теперь входящие заносят меня обратно... Едем... Мысли... Вот если ты материшься шепотом, то это что? Хочешь ли ты этим проявить свое уважение к оппоненту? А если тебе оппонент пофиг, то почему шепотом? Стесняемся? А нахрен тогда говорил над ухом девушки? Возможно, дорогой, вы извращенец?

Когда – то, в незапамятные времена, и я учился здесь, на родной Каширке. Да – да. МИФИ – моя Альма Матер. Строгости изложения ради, уточню. Тогда Белок в серьезные вузы не принимали. Была такая директива от ЦК – чтоб Белок не брать. И евреев тоже. Так вот. Учился у нас на потоке некто Мартышкин. Прозвища ему почему-то так никто и не дал. Даже странно. Он обожал делать следующее. Брал немного в термос разбавленной соляной кислоты и в вагоне в нее подсыпал сколько – нибудь сернистого железа. Газ, который при этом выделялся, называется сероводородом... Ну, дальше, я думаю, итак всем ясно. Сперва люди терпят, стойчески не подавая вида. Потом начинают у них сдавать нервы, и тут начинается самое, значит, интересное...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.